

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 1
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81`25:82.0:821.581

ББК Ш105.6+Ш33(5Кит)6-34

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-1-109-119>

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА 草 («ТРАВА») В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА «РЕЧНЫЕ ЗАВОДИ» ШИ НАЙАНЯ

Ли Юйхань

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань, КНР

Аннотация. Исследуется метафорическая репрезентация образа 草 («трава») в русском переводе классического китайского романа «Речные заводи» Ши Найяня, выполненном А. П. Рогачевым. На основе процедуры идентификации лингвистической метафоры (MIP) в первых 70 главах текста было выявлено 87 метафор с компонентом «трава». В ходе анализа систематизированы четыре ключевые стратегии их перевода: буквальный перевод фокуса метафоры, конверсионный перевод, а также их сочетания с семантической интерпретацией. Результаты исследования демонстрируют, что применение данных стратегий позволяет минимизировать потерю метафорического содержания и достичь когнитивного эффекта, адекватного оригиналу. Работа восполняет лауну в изучении переводческого наследия «Речных заводов» и предлагает междисциплинарную методологию, интегрирующую подходы когнитивной лингвистики и переводоведения для анализа китайских классических текстов.

Ключевые слова: *метафорическая репрезентация, переводческие стратегии, образ 草 («трава»), метафора, перевод на русский язык, межкультурная коммуникация, «Речные заводи»*

Для цитирования: *Ли Юйхань.* Метафорическая репрезентация образа 草 («трава») в переводе на русский язык романа «Речные заводи» Ши Найяня // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 1. С. 109–119. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-1-109-119>

Original article

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF 草 (GRASS) IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF “THE WATER MARGIN” BY SHI SHI NAIAN

Li Yuhua

Central China Normal University, Wuhan, China

Abstract. This study examines the metaphorical representation of the image 草 (grass) in the Russian translation of the classical Chinese novel “The Water Margin” by Shi Naiyan, translated by A.P. Rogachev. Using the Metaphor Identification Procedure (MIP), 87 metaphors containing the “grass” component were identified in the first 70 chapters of the text. The analysis systematized four key translation strategies: literal translation of the metaphor focus, conversion-based translation, and their combinations with semantic interpretation. The findings demonstrate that applying these strategies minimizes the loss of metaphorical content and achieves a cognitive effect equivalent to that of the original text. This research fills a gap in the study of the translation legacy of “The Water Margin” and pro-

poses an interdisciplinary methodology integrating cognitive linguistics and translation studies for the analysis of Chinese classical texts.

Key words: *metaphorical representation, translation strategies, the image of grass, metaphor, Russian translation, intercultural communication, "The Water Margin"*

For citation: Li Yuhan (2026). Metaphorical representation of the image of 草 (grass) in the Russian translation of "The Water Margin" by Shi Naian. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 1, pp. 109-119. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-1-109-119>

Введение

Роман «Речные заводы» Ши Найаня, созданный на основе литературной обработки народных преданий о восстании эпохи Сун, занимает центральное место в культурном наследии Китая как один из четырёх классических романов. Произведение не только отражает историческую специфику своего времени, но и демонстрирует уникальные лингвокультурные особенности, представляющие значительную сложность для перевода. Русскоязычная версия романа, впервые опубликованная в 1955 г. и впоследствии неоднократно переиздававшаяся, была выполнена известным российским синологом и переводчиком А. П. Рогачевым. Несмотря на существование авторитетного перевода, лингвистические аспекты передачи художественных образов в русскоязычной версии остаются недостаточно изученными, да и в целом исследование романа «Речные заводы» в России обладает относительно недолгой историей изучения. В частности, переводоведческие аспекты его русскоязычной версии находятся на начальной стадии исследования и требуют более системного и углубленного анализа.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа переводческих решений при передаче культурно-специфических метафор. Особый интерес в этом контексте представляет образ травы (草), функционирующий в тексте как многогранная метафора, репрезентирующая концептуальные сферы идентичности, социального статуса, эмоциональных состояний, характеристику персонажей и развития сюжета. В этой связи адекватная передача метафорической репрезентации образа травы представляет собой одну из ключевых и наиболее сложных задач в русском переводе романа, определяя как смысловую точность, так и художественную выразительность текста. Исследование данного образа позволяет выявить универсальные и культурно обусловленные аспекты метафорического моделирования в китайской и русской лингвокультурах.

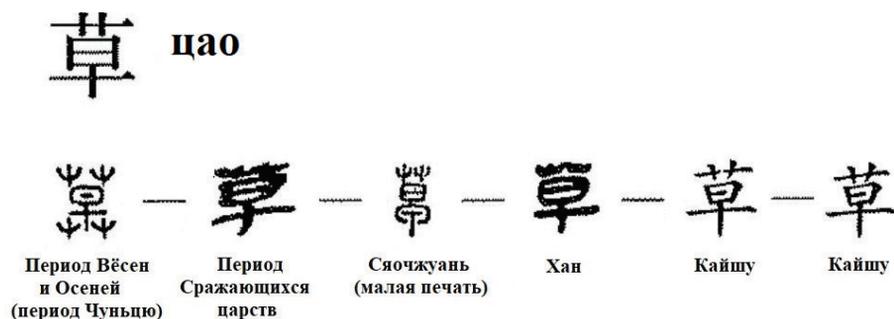
Цель исследования заключается в выявлении и систематизации стратегий перевода метафорических репрезентаций образа «травы» в русскоязычной версии романа «Речные заводы» Ши Найаня. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) идентифицировать метафоры с компонентом «трава» в оригинальном тексте; 2) проанализировать когнитивные механизмы метафорического переноса; 3) охарактеризовать переводческие решения, применяемые для передачи метафорических значений; 4) оценить эффективность использованных стратегий с точки зрения сохранения когнитивного эффекта оригинала.

Методологическую основу составляет процедура идентификации лингвистической метафоры (МІР), разработанная группой ученых [Pragglejaz Group, 2007], что обеспечивает объективность выявления метафорических единиц. Исследование интегрирует подходы когнитивной лингвистики и переводоведения, позволяя рассматривать перевод как процесс межкультурной и межъязыковой трансферции когнитивных моделей. Теоретическая значи-

мость работы заключается в разработке комплексного подхода к анализу перевода культурно маркированных метафор китайской классической литературы. Практическая ценность состоит в возможности применения полученных результатов в практике перевода китайских художественных текстов, а также в преподавании теории и практики перевода.

Когнитивное конструирование метафорического значения образа 草 («трава»)

Иероглиф 草 (сǎo/«цао») представляет собой классический пример фоноидеограммы в китайском языке. Его происхождение восходит к пиктограмме 屮 (chè/«чэ»), обнаруженной в надписях на костях оракула и изображающей росток с двумя листьями, пробивающийся сквозь землю. Впоследствии две пиктограммы 屮 были соединены, образовав составную идеограмму 艸 (sǎo/«цао»), передающую идею множественных ростков травы [Инь Цзе, 2014, с. 11]. Со временем иероглиф 艸 в основном был вытеснен знаком 草, сохранившись лишь в качестве ключа 艹, который редко используется самостоятельно. Иероглиф 草, впервые зафиксированный в период Чуньцю, содержит компонент 早, выполняющий одновременно фонетическую и семантическую функции: он не только указывает на произношение, но и ассоциативно связывает значение с солнечным светом на лугу (рисунок).

Этапы эволюции китайских иероглифов 艸 (а) и 草 (б)

По мере развития языка семантика иероглифа 草 претерпела значительную эволюцию: от прототипического значения «общее название зеленых рас-

тений» к обозначению «место, где растет трава», а затем к приобретению переносных значений — «небрежная работа», «черновой вариант текста». Параллельно развивались глагольные значения — «составлять черновой набросок», а также терминологическое значение в каллиграфии, где 草 обозначает скорописный стиль. Кроме того, иероглиф используется для номинации самок домашних животных. Этот процесс семантической экспансии наглядно иллюстрирует, что «метафора как когнитивный процесс представляет собой глубинный механизм творческого характера, открывающий новые возможности для развития значений» [Авдонин, 2020, с. 386].

Собственное или создаваемое сходство между целевым доменом и исходным доменом в метафоре относится к внутриязыковому сходству в переводе метафоры и является обязательным элементом для ее конструирования [Сунь Цюхуа, 2022, с. 35]. Сходство в метафорической репрезентации образа травы в русском и китайском языках коренится в универсальном опыте взаимодействия человека с объективным миром. Внешняя форма и особенности роста травы становятся основой для переноса на абстрактные характеристики человека, создавая объективные предпосылки для межъязыкового перевода. Ярким примером служит китайское выражение 墙头草 (qiáng tóu cǎo/«цян тоу цао») (досл. «трава на вершине стены»), имеющее русский аналог «трава на гребне стены» и английский эквивалент *a reed shaken by the wind* — все три варианта метафорически означают отсутствие у человека своего мнения. Аналогично ассоциативный ряд, связывающий траву с многочисленностью и незначительностью, породил межъязыковые параллели: 草根 (cǎo gēn/«цао гэн») — «корень травы» — *grassroots*, где через образ травы метафорически репрезентируются социальные низы.

Что касается различий в метафорической репрезентации, они обусловлены историко-культурной спецификой и особенностями когнитивного восприятия. Метафорические репрезентации демонстрируют значительную кросс-культурную вариативность, что вызывает необходимость специальных переводческих решений. Проведенный анализ показывает, что образ травы обладает более богатой семантикой и метафорическим потенциалом в китайском языке, тогда как в русском его метафорические употребления преимущественно ограничены внешней формой или особенностями роста. Например, в древнекитайской поэзии слово «трава» регулярно используется для передачи ощущения увядания и жизненной неустроенности, что связано с философской концепцией единства человека и природы, наделявшей природные объекты антропоморфными характеристиками. Учитывая указанные универсальные и культурно-специфические черты метафоры травы, переводчикам романа «Речные заводы» необходимо тщательно учитывать как общие, так и специфические аспекты этого образа. Такой подход позволяет минимизировать семантические потери при переводе и добиться создания в переводном тексте (ПТ) метафорических образов, адекватных тем, что заложены в исходном тексте (ИТ).

Процедура идентификации метафорического значения образа 草

Метафорическая репрезентация образа 草 («трава») основывается на взаимодействии когнитивных структур «источника» (source domain) и «цели» (target domain) [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 9]. При этом важно подчеркнуть, что метафора представляет собой не только инструмент познания, но и средство творчества, «который сопоставляет два (или более) референта, обычно не

связываемых, что ведет к семантической концептуальной аномалии, симптомом которой обычно является определенное эмоциональное напряжение» [Маккормак, 1990, с. 363].

Исследователи нередко определяют метафору, опираясь на интуитивное понимание, и стремятся выявить ее с помощью различных критериев в рамках разных теоретических подходов. Несмотря на существование многочисленных теорий и методов перевода метафор [Федоров, 1983; Newmark, 1995; Mandelblit, 1995; Deignan, Gabrys, Solska, 1997; Dickins, 2005], разработка универсального способа перевода с выбором оптимальных принципов остается сложной задачей. Однако владение теоретическими основами перевода само по себе не гарантирует решения всех проблем. Лишь анализ конкретных примеров из успешных переводческих практик позволяет достичь более глубокого понимания специфики перевода метафор и овладеть соответствующими техническими приемами.

Для отбора практического материала из русского перевода романа «Речные заводы» нами проведен анализ текстовых интерпретаций на наличие лингвистических метафор с применением процедуры идентификации лингвистической метафоры (MIP) [Pragglejaz Group, 2007]. Данная процедура представляет собой «инструмент исследования, который относительно прост в использовании и обладает достаточной гибкостью для применения учеными, изучающими метафорическое содержание реального дискурса» [Pragglejaz Group, 2007, p. 2]. Ее надежность и валидность подтверждены эмпирическими исследованиями, что обусловило широкое применение методики в научных кругах.

Когнитивный анализ метафорических значений образа 草 («трава») в «Речных заводах»

В соответствии с указанной процедурой идентифицировано 87 метафор с компонентом «трава» в первых 70 главах романа «Речные заводы». Проведенный анализ позволил выделить семь типов метафорических переносов (таблица).

Статистика метафорической репрезентации образа травы в «Речных заводах»

Концептуальная метафора	Языковая метафора (количество случаев)
РАСТЕНИЕ (трава) → ЧЕЛОВЕК (идентичность)	落草 (31)、草寇 (25)、草贼 (9)
РАСТЕНИЕ (трава) → ЧЕЛОВЕК (социальный статус)	草芥 (2)
РАСТЕНИЕ (трава) → ЧЕЛОВЕК (качество: скромность)	草寨 (4)、草酌 (1)、草字 (1)
РАСТЕНИЕ (трава) → ЧЕЛОВЕК (действие/движение)	斩草除根 (4)、倚草附木 (1)、拨草寻蛇 (1)、草诏 (1)、似捻灯草一般 (1)、不敢动一根草 (1)
РАСТЕНИЕ (трава) → ЧЕЛОВЕК (эмоциональное состояние)	人非草木 (1)
РАСТЕНИЕ (трава) → ЧЕЛОВЕК (внешний облик)	寸草不留 (1)
РАСТЕНИЕ (трава) → ПРЕДМЕТ (состояние)	打草惊蛇 (2)、风吹草动 (1)、人生一世, 草生一秋 (1)

Репрезентация социальной идентичности через образ травы: 落草

Лексема 落草 (luò cǎo/«ло цао») первоначально означала «бегство в горы и леса с целью присоединения к разбойникам», где компонент 草 указывает на место сбора разбойников. Таким образом, метафорический глагол 落草 символизирует трансформацию социальной идентичности — «от простолюдина к разбойнику» — через динамический процесс «переселения с городских улиц в горные леса». В романе «Речные заводы» 落草 встречается 31 раз, выражая намерение человека, вынужденного бежать в горы из-за нарушения закона. При первом употреблении данного выражения в романе А. П. Рогачев переводит его как «скрыться в горах и заняться разбоем», тогда как в последующих случаях используется сокращенный вариант «заниматься разбоем». Проиллюстрируем это на примере: 朱武哭道：“小人等三个，累被官司逼迫，不得已上山落草。” [Ши Найань, 2005, с. 35] — «Тогда Чжу У, рыдая, воскликнул: “Мы, три бедных человека, подвергались преследованию властей. Нам пришлось скрыться в горах и заняться разбоем”» [Ши Найань, 1959, т. 1, с. 37].

В данном случае Рогачев применяет стратегию косвенного перевода фокуса метафоры с семантической интерпретацией. Такой подход не только сохраняет идею укрытия в горах («скрыться в горах»), но и эксплицирует социально-правовые последствия этого действия («заниматься разбоем»). Благодаря этому достигается адекватное концептуальное отображение из исходной доменной структуры в целевую, сохраняется связь с природным контекстом оригинала и минимизируется потеря метафорического компонента. Следует отметить, что использование сокращенного варианта «заниматься разбоем» при повторных употреблениях в определенной степени нивелирует образность исходной метафоры, поскольку утрачивается важный семантический компонент «бегство в горы и леса» — значимый элемент концептуального переноса.

Репрезентация социального статуса через образ травы: 草芥

Метафорическое выражение 草芥 (cǎo jiè/«цао цзе»), буквально означающее «сухие стебли травы у дороги», служит для обозначения чего-либо незначительного и ничтожного. Данная метафора основана на повседневном опыте людей, не замечающих траву под ногами, и поэтому наделена негативной коннотацией пренебрежения и уничтожения. Проиллюстрируем это следующим примером: 梁山泊那伙贼男女打甚么紧，我观他如同草芥。 [Ши Найань, 2005, с. 809] — «Что значат эти разбойники из Ляншаньбо? Для меня они просто сорная трава!» [Ши Найань, 1959, т. 2, с. 460].

В русском языке существует семантически близкое выражение «сорная трава», которое, как и китайский оригинал, передает идею ничтожности через образ мелких и незначительных растений. Рогачев применяет здесь стратегию буквального перевода фокуса метафоры, что позволяет сохранить как ее структуру, так и характеризующие свойства и аллегорическую образность. Лексическая единица «трава» точно соответствует метафорическому образу 草 в оригинале, а определение «сорная» эффективно передает презрительный тон и пренебрежительное отношение говорящего. Благодаря этому решению у читателей и оригинала, и перевода возникает сходное метафорическое восприятие — образ чего-то малозначительного и недостойного внимания. Таким образом, представленное переводческое решение можно считать успешным: сохраняя высокую степень соответствия оригиналу, оно основывается на существующем метафорическом сходстве между языками. Это позволяет достичь максимального

сближения формы и содержания, обеспечивая конвергенцию русской и китайской культурных традиций и когнитивных моделей.

Репрезентация скромности через образ травы: 草寨

Иероглиф 草 также функционирует как элемент самоуничижительной лексики, отражающей традиционные китайские нормы этикета. Скромные выражения в китайской культурной традиции не только демонстрируют ее тысячелетнее очарование, но и воплощают строгие нормативы поведения, а также внутреннее стремление к самосовершенствованию и нравственному воспитанию. В романе «Речные заводы» выражение 草寨 (cǎo zhài/«цао чжай») встречается четыре раза, каждый раз передавая значения «скромный/бедный стан» или «непритязательная крепость». Проанализируем конкретный пример: 王伦答礼道：“小可王伦，久闻晁天王大名，如雷灌耳。今日喜光临草寨。” [Ши Найань, 2005, с. 241] — «Я, ничтожный человек, давно уже слышал о славном имени „Князя Неба“ Чао Гая; оно гремит на всю Поднебесную. Сегодня мы счастливы приветствовать вас в нашем скромном стане» [Ши Найань, 1959, т. 1, с. 275].

В данном контексте лексема 寨 обозначает укрепленный лагерь, обнесенный оградой или стеной, тогда как компонент 草 описывает простоту и непритязательность этого места сбора. Перевод Рогачева адекватно передает коннотацию скромности, укорененную в китайской культурной традиции. Подобные случаи требуют от переводчика творческого подхода — необходимости обращаться к метафорам, которые характеризуют признаки, соответствующие внутренним смыслам оригинала, чтобы воспроизвести не только исходный образ, но и его культурно обусловленное значение. Данный пример демонстрирует стратегию буквального перевода фокуса метафоры, где сохранение исходного образа позволяет передать важные культурные коннотации. Как отмечает переводовед П. Ньюмарк, при переводе культурно-специфических концепций необходимо находить баланс между точностью и естественностью выражения [Newmark, 1995], что в полной мере реализовано в данном случае.

Репрезентация действия через образ травы: 斩草除根

Фразеологизм 斩草除根 (zhǎn cǎo chú gēn/«чжань цао чу гэн») в буквальном смысле описывает процесс прополки, когда трава уничтожается полностью, включая корни, что делает ее повторное произрастание невозможным. В метафорическом значении он передает идею полного и окончательного решения проблемы. Данная метафора основана на универсальном когнитивном опыте, общем для китайской и русской культур, — представлении о живучести травы: «если срезать траву, не выкорчевав корни, весной она прорастет вновь». Проиллюстрируем это на примере из романа: 这是斩草除根，萌芽不发。若是斩草不除根，春来萌芽再发 [Ши Найань, 2005, с. 335] — «Ведь если рвать траву, так с корнем, чтобы впредь не пошли новые всходы. Оставишь корни, весной подымутся ростки» [Ши Найань, 1959, т. 1, с. 383–384].

В данном случае Рогачев применяет стратегию буквального перевода фокуса метафоры с семантической интерпретацией. Это позволяет сохранить метафорический образ исходного текста через дословный перевод, одновременно раскрывая его смысловую глубину через пояснительные элементы. В результате достигается взаимодополняющий эффект образности и содержания. Альтернативный вариант перевода — «уничтожить решительно и бесповоротно» или «искоренение» — хотя и передает основной смысл оригинала,

приводит к полной утрате метафорического образа травы. Это, в свою очередь, обедняет художественную выразительность текста, лишая его культурно обусловленной образности и уменьшая эмоциональное воздействие на читателя.

Репрезентация эмоционального состояния через образ травы: 人非草木

Лексема 草木, обозначая растения в прямом смысле, метафорически передает образ бесчувственных существ, не способных на эмоциональную отзывчивость и благодарность. Китайский фразеологизм 人非草木 (rén fēi cǎo mù/«жэнь фэй цао му») выражает концепцию: человек, в отличие от травы и деревьев, обладает сознанием, эмоциями и способностью реагировать на внешние воздействия. При буквальном переводе «люди не сделаны из травы и деревьев» достигается формальное сохранение метафорического фокуса 草木, однако такой перевод не позволяет читателям ПТ адекватно воспринять культурно обусловленный образ отсутствия чувств и неблагодарности. Это создает дополнительные когнитивные трудности, не соответствующие тому, как метафора воспринимается читателями ИТ.

Проанализируем конкретный пример: 小人们人非草木，岂不省的。[Ши Найань, 2005, с. 219] — «*Мы ведь не деревянные и не каменные — все понимаем*» [Ши Найань, 1959, т. 1, с. 247]. Рогачев достигает эквивалентного когнитивного эффекта, применяя стратегию конверсионного перевода фокуса метафоры. Замена растительного образа на «дерево и камень» сохраняет необходимые семантические характеристики — твердость, безжизненность, отсутствие эмоций, что позволяет читателям ПТ сформировать метафорический образ, адекватный оригинальному. Данный пример демонстрирует, что в переводческой практике буквальный и вольный перевод не являются взаимоисключающими стратегиями. Ни один переводчик не может создать успешный перевод, используя исключительно один подход. Поэтому в процессе перевода особое внимание следует уделять передаче не только формальных элементов метафоры, но и ее когнитивной основы, что позволяет минимизировать усилия читателей ПТ при декодировании культурно-специфических образов.

Репрезентация внешнего облика через образ травы: 寸草不留

Рассматриваемый фрагмент представляет собой буддийский термин, в котором метафора 寸草不留 (cùn cǎo bù liú/«цунь цао бу лю») описывает ритуал бритья головы последователей Будды. В данном контексте исходная концептуальная область «трава» проецируется на волосы персонажа Лу Чжишэня: 寸草不留，六根清淨。与汝剃了，免得争竞 [Ши Найань, 2005, с. 60] — «*Ни один волосок не может быть оставлен, все шесть органов чувств должны быть очищены. Тебя должны полностью обрить. Для того, чтобы устранить всякую причину для беспокойства*» [Ши Найань, 1959, т. 1, с. 63].

Рогачев применяет в данном случае стратегию конверсионного перевода фокуса метафоры с семантической интерпретацией. Этот подход предполагает отказ от дословной передачи буддийского термина «трава» в пользу прямого обозначения объекта — «волосок», что более естественно для русского читателя. Одновременно переводчик поясняет культурный контекст: связь бритья головы с отречением от мирских забот в китайской буддийской традиции. Такое решение позволяет сохранить семантическую насыщенность образа, передать культурно-специфические особенности ритуала, а также активизировать ассоциативное восприятие у читателей перевода, чтобы создать метафорический образ, эквивалентный оригинальному. Благодаря умелому преобразова-

нию метафорического фокуса и добавлению культурологической интерпретации переводчику удастся достичь когнитивного эффекта, сходного с восприятием читателей исходного текста, несмотря на существенные межкультурные различия в языковом выражении данной буддийской концепции.

Репрезентация состояния через образ травы: 打草惊蛇

Фразеологизм 打草惊蛇 (dǎ cǎo jīng shé/«да цао цзин шэ»), имеющий буквальное значение «ударить по траве и вспугнуть змею», метафорически передает идею преждевременного обнаружения намерений или неосторожного предупреждения противника. В романе «Речные заводы» данное выражение встречается дважды. Проанализируем один из примеров: 空自去打草惊蛇, 倒吃他做了手脚, 却是不好 [Ши Найань, 2005, с. 376] — «А появились мы в Куайхолине раньше времени, то, как говорят, мы только „рас-тревожим змею в траве“» [Ши Найань, 1959, т. 1, с. 432].

Рогачев использует вариант «тревожить змею в траве», что обусловлено наличием сходных образных выражений в русском и китайском языках. Исходя из контекстуальных предпосылок оригинала, применяется стратегия буквального перевода фокуса метафоры. Данный подход способствует достижению оптимальной коммуникативной эквивалентности и формированию интертекстуальных связей в процессе перевода. Такой переводческий метод не только сохраняет метафорические особенности оригинала, устанавливая прямую и доступную семантическую связь между ИТ и ПТ, но и снижает когнитивную нагрузку на читателей ПТ. Одновременно создается эффект психологической близости, сохраняется риторическая окраска фразеологизма и обеспечивается адекватное восприятие культурного кода.

Ввиду ограниченного объема исследования невозможно проанализировать все случаи метафорической репрезентации образа травы в русском переводе «Речных заводов». В переводческой практике «разновидностью приближительного перевода принято считать описание и толкование» [Носорева, 2022, с. 62]. Для минимизации потерь при передаче метафор переводчикам целесообразно применять следующие стратегии в соответствии с конкретным контекстом: буквальный перевод фокуса метафоры, конверсионный перевод фокуса метафоры, буквальный перевод с семантической интерпретацией, конверсионный перевод с семантической интерпретацией. Хотя сохранение исходного метафорического образа 草 («трава») представляет первостепенную важность, необходимо также учитывать конкретные речевые ситуации и коммуникативные намерения, проявляя гибкость в решении сложных случаев и обращая внимание на исключения в использовании метафорических конструкций.

Заключение

Благодаря использованию многообразных метафорических репрезентаций образа травы в романе «Речные заводы» Ши Найаня осуществляется концептуализация таких категорий, как социальная идентичность, статус, скромность, действие, эмоции, внешний облик персонажей и состояние объектов. В этой связи особую важность приобретает адекватное понимание «двуплановости» метафорической репрезентации [Мокиенко, 2005, с. 164; Верещагин, Костомаров, 2005, с. 177] в соответствии с конкретным контекстом, что позволяет минимизировать потерю метафорического содержания при передаче целостного художественного образа. В русском переводе романа, выполненном А. П. Рогачевым, применяются следующие стратегии перевода: буквальный

перевод фокуса метафоры, конверсионный перевод фокуса метафоры, буквальный перевод с семантической интерпретацией и конверсионный перевод с семантической интерпретацией. Такая классификация всесторонне описывает стратегический подход в передаче метафор с компонентом «трава» в русском переводе «Речных заводов». Использование этих методов позволяет минимизировать утрату метафорического фокуса и способствует достижению когнитивного эффекта, при котором у читателей ПТ формируется метафорический образ, максимально приближенный к тому, который возникает у читателей ИТ.

Данные подходы обеспечивают связь между культурными коннотациями китайских и русских метафор, устанавливая оптимальное соответствие между ИТ и ПТ. Предложенная классификация комплексно и обоснованно описывает стратегию передачи метафоры «трава» в русскоязычной версии романа, восполняя существующий пробел в исследованиях перевода «Речных заводов». Практическая значимость работы заключается в создании методологической основы для перевода метафор, в частности растительных образов, а также в разработке междисциплинарной перспективы, объединяющей когнитивную лингвистику и переводоведение для исследования переводов китайских классических произведений.

Список источников

- Авдонин В. С.* Междисциплинарный трансфер знаний сквозь призму теорий метафор // *Метод*. 2020. № 10. С. 377–405. <https://doi.org/10.31249/metod/2020.10.17>
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1037 с.
- Инь Цзе.* Китайские иероглифы «весна» и «осень»: история и реформы иероглифов. Ухань: Изд-во Пед. ун-та Центрального Китая, 2014. 270 с. (На кит. яз.).
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Маккормак Э.* Когнитивная теория метафоры // *Теория метафоры* / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.
- Мокиенко В. М.* В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. 3-е изд. перераб. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
- Носорева Н. Г.* Типология мифонимов в тексте современной сказки в жанре «фэнтези» и способы их перевода (на материале сказки Э. Д. Бейкер «A Tale of the Wide-Awake Princess: Princess between Worlds») // *Известия ЮФУ. Филол. науки*. 2022. Т. 26, № 2. С. 57–69. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2022-2-57-69>
- Сунь Цюхуа.* Исследование двукратного сходства в переводе метафоры // *Вестн. Московского ун-та. Серия 22: Теория перевода*. 2022. № 3. С. 31–54. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-31-54>
- Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
- Ши Найань.* Речные заводы : в 2 т. / пер. с кит. А. Рогачева. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 1. 503 с. Т. 2. 631 с.
- Ши Найань.* Речные заводы : в 2 т. Пекин: Изд-во народной лит., 2005. 1314 с. (На кит. яз.).
- Deignan A., Gabrys D., Solska A.* Teaching English metaphors using cross-linguistic awareness activities // *ELT J*. 1997. Vol. 51, iss. 4. P. 352–360.
- Dickins J.* Two models for metaphor translation // *Target*. 2005. Vol. 17, iss. 2. P. 227–273.
- Mandelblit N.* The cognitive view of metaphor and its implications for translation theory // *Translation and Meaning*. Ed. by T. Marcel, B. Lewandowska-Tomaszczyk. Maastricht: Universitaire Press, 1995. Vol. 3. P. 483–495.
- Newmark P.* A textbook of translation. New York; London: Phoenix ELT, 1995. 402 p.

Pragglejaz Group. MIP: a method for identifying metaphorically used words in discourse // *Metaphor and Symbol*. 2007. Vol. 2, iss. 1. P. 1–39.

References

- Avdonin, V. S. (2020). Interdisciplinary knowledge transfer through the prism of theories of metaphors. *Method*, no. 10, pp. 377-405. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/metod/2020.10.17>
- Deignan, A., Gabrys, D. and Solska, A. (1997). Teaching English metaphors using cross-linguistic awareness activities. *ELTJ*, vol. 51, iss. 4, pp. 352-360.
- Dickins, J. (2005). Two models for metaphor translation. *Target*, vol. 17, iss. 2, pp. 227-273.
- Fedorov, A. V. (1983). *Fundamentals of general translation theory (linguistic problems)*. Moscow, Higher School, 303 p. (In Russian).
- Lakoff, G. and Johnson, M. (2004). *Metaphors we live by*. A.N. Baranov (ed.). Moscow, Editorial URSS, 256 p. (In Russian).
- Mandelblit, N. (1995). The cognitive view of metaphor and its implications for translation theory. *Translation and meaning*. T. Marcel, B. Lewandowska-Tomaszczyk (eds.). Maastricht, Universitaire Press, vol. 3, pp. 483-495.
- McCormack, E. (1990). Cognitive theory of metaphor. *Theory of metaphor*. N. D. Arutyunova, M. A. Zhurinskaya (eds.). Moscow, Progress, pp. 358-386. (In Russian).
- Mokienko, V. M. (2005). *Into the depths of proverbs: stories about the origin of winged words and figurative expressions*. 3rd ed. rev. St. Petersburg, ABC Classics, 256 p. (In Russian).
- Newmark, P. (1995). *A textbook of translation*. New York, London, Phoenix ELT, 402 p.
- Nosoreva, N. G. (2022). Typology of mythonyms in the text of a modern fantasy fairy tale and methods of their translation (Based on E.D. Baker's fairy tale 'A Tale of the Wide-Awake Princess: Princess between Worlds'). *Proceedings of the Southern Federal University. Philology*, vol. 26, no. 2, pp. 57-69. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2022-2-57-69>
- Pragglejaz Group. (2007). MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, vol. 2, iss. 1, pp. 1-39.
- Shi Naian. (1959). *The water margin*: in 2 vols. Transl. from Chinese by A. Rogachev. Moscow, State Publishing House Fiction, vol. 1, 503 p., vol. 2, 631 p. (In Russian).
- Shi Naian. (2005). *The water margin*. Beijing, People's Literature Publishing House, 1314 p. (In Chinese).
- Sun Qiuhua. (2022). A study of double similarity in the translation of metaphors. *Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory*, no. 3. pp. 31-54. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-31-54>
- Vereshchagin, E. M. and Kostomarov, V. G. (2005). *Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech behaviour tactics and sapiens*. Moscow, Indrik, 1037 p. (In Russian).
- Yin Jie. (2014). *The spring and autumn of the Chinese characters: characterization and logic forms*. Wuhan, Central China Normal University Press, 270 p. (In Chinese).

Сведения об авторе

Ли Юйхань – канд. филол. наук, старший преподаватель факультета русского языка и литературы, Школа иностранных языков, liyuhan1995@mail.ru

Information about the Author

Li Yuhan – Ph.D. in Philology, senior lecturer of Faculty of the Russian language and literature, School of Foreign Languages, liyuhan1995@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 16.01.2026.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 16.01.2026.